

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ХИЩЕНИЯ ПО СТОИМОСТИ ПОХИЩЕННОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Показана эволюция уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за хищение с учетом стоимости похищенного имущества, рассматриваются взгляды российских юристов на проблему дифференциации уголовной ответственности за хищение по размеру имущественного ущерба, причиняемого преступлением. Сделан вывод о необходимости углубленного анализа оснований выделения в УК РФ видов хищения в зависимости от размеров хищения.

Ключевые слова: хищение чужого имущества; виды хищения; размер хищения; цена; стоимость похищенного; российские уголовные законы.

В российском законодательстве дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности в зависимости от цены (стоимости) похищенного впервые была проведена в Артикуле воинском 1716 г. По цене похищенного кража в Артикуле подразделялась на два вида: до 20 рублей и свыше 20 рублей (гл. XXI ст. 189, 191) [1. С. 367]. Такие же виды кражи и мошенничества различал Указ от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» [2. С. 161]. Свод законов уголовных 1832 г. разделял воровство-мошенничество и воровство-кражу в зависимости от стоимости похищенного на три рода: до 6 рублей серебром; до 30 рублей серебром; свыше 30 рублей серебром. При этом первый род делился на четыре степени: до 1, 5 рублей; от 1,5 до 3; от 3 до 4,5; от 4,5 до 6 рублей серебром (ст. 806, 807). В Своде законов отмечалось, что «при определении цены украденного, покраденные вещи, скот и проч. оцениваются равно как и похищенные деньги исчисляются на серебро...» (ст. 815) [3. С. 164, 166].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1845 и 1857 гг.) различались кражи – до 30 рублей; от 30 до 300; свыше 300 рублей. Уложение о наказаниях в последующих редакциях, Уложение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., применительно к присвоению вверенного, краже и мошенничеству выделяли две рубрики: до 300 рублей; свыше 300 рублей (ст. 1655, 1666, 1681 Уложения о наказаниях; ст. 169, 173, 174, 177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) [4. С. 1–571, 667–775]. В законодательстве второй половины XIX в. по цене похищенного были выделены и такие кражи: кража на сумму не свыше 50 рублей, совершенная в первый или второй раз, в пределах волости лицом, подведомственным волостному суду (ст. 17 и 18 Временных правил о волостном суде); кража на сумму, не превышающую 50 копеек (ст. 171 Устава о наказаниях).

Надо сказать, что в первой редакции проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных не предусматривал дифференциации наказания по цене похищенного. Объясняя это, составители проекта писали: «Желая согласить постановление нашего Проекта с духом времени, мы... старались свойство преступлений определить не столько по их последствиям, которые большей частью суть случайные, сколько по познанным, почти всегда более или менее обнаружи-

ваемым обстоятельствами дела побуждениям преступника... Посему мы сперва... полагали вовсе не принимать в соображение цены украденного... ибо сие весьма часто и едва-ли не всегда зависит от того, сколько виновному время, удобность и вообще обстоятельства дозволяли похитить... Но при представлении сей части Проекта в Высочайше учрежденный для ревизии оного Комитет, всеми Членами оного единогласно признано, что было бы неудобно, даже опасно, особливо в настоящее время, совершенно отменить возвышение строгости наказания по мере цены украденного; ибо известно по практике дел о преступлениях, что воры, иногда имея возможность украсть больше, ограничиваются похищением суммы или предметов меньшей цены, единственно для того, чтобы не подпасть уголовной казни. Уступая сему мнению людей опытных и сведущих, мы решились допустить в нашем Проекте назначение степеней наказания за воровство-кражу и по цене украденного...» [5. С. 695–696].

Не усматривали убедительных оснований для ограничения кражи по цене похищенного и составители проекта Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Они отмечали: «Трудно перечесть все неудобства и сомнения, проистекающие от принятия цены похищенного в основание уголовной ответственности виновного; но все они, вместе взятые, бесспорно указывают на ложность самого принципа, ставящего наказание в зависимость от внешних и совершенно случайных признаков, которые побуждают судью смотреть на дело слегка и ограничиваться одним лишь видимым осязаемым фактом, без соображения того, был ли он результатом злой воли преступника» [6. С. 342]. В связи с этим они полагали, что законодателю следовало бы и отказаться от «соизмерения наказания за кражу с ценой похищенного». В то же время составители проекта Устава признали, что «при начертании ныне специальных лишь правил о видах воровства, подведомых мировым судьям, применить это начало во всей чистоте, без общей перделки всех прочих наших узаконений о краже, еще невозможно». Кроме того, отметили они, «было бы несообразно предоставить мировым судьям решение дел о краже на всякую сумму, тогда как они не могут определять вознаграждения за похищение свыше той цены, какая определена для решения ими дел гражданских» [Там же. С. 291].

Деление имущественных преступлений по цене похищенного не находило поддержки в российской

уголовно-правовой литературе тех лет. Так, И.Я. Фойницкий полагал, что «различение в законе мошенничества по цене похищенного» не выдерживает «самой снисходительной критики». Свой вывод он обосновывал такими доводами: похищая вещь, виновный далеко не всегда знает ее цену, поэтому величина наказания определяется обстоятельством, которое не только не зависит от воли, но даже от знания лица; одна и та же цифра цены для различных лиц имеет далеко не одинаковое значение; следовательно при дифференциации мошенничества по цене похищенного величина наказания определяется не действительной, а фиктивной, предполагаемой важностью вреда; цифра цены похищенного или присвоенного имущества не может также, независимо от других обстоятельств, свидетельствовать о степени внутренней виновности; суд при определении цены похищенного неминуемо встретит многообразные, нередко, непреодолимые затруднения» [7].

Н.А. Неклюдов к главнейшим общим недостаткам постановлений о преступлениях против собственности Уложения о наказаниях уголовных и исправительных относил «устепенение наказаний смотря по ценности похищенного». «Едва ли нужно доказывать, – писал он, – что ценность похищения не в состоянии изменить свойства и характера преступления, а между тем законодательство наше устанавливает целую пропасть между наказаниями за кражу в 300 р. и кражу в 300 р. и 1 к.». Не соглашаясь с рассуждениями как составителей проекта Уложения 1845 г., так и людей «опытных и сведущих» в деле краж, Н.А. Неклюдов отмечал: «ссылка на то, что воры крадут менее, в расчете на менее строгую наказуемость, неправильна в двух отношениях: она забывает, что каждый вор рассчитывает прежде всего не быть открытым; она не подтверждается вовсе практикой... ежели бы это мнение было бы справедливо, то не только следовало бы ввести целую градацию краж, смотря по их ценности, а не ограничиваться двумя суммами... но и было бы противно здравой уголовной политике не распространить того же самого правила и на кражи квалифицированные, и на похищения с насилием, так как, понятно само собою, что в высшей степени было бы желательно, чтобы не только мелкие воры, но и воры квалифицированные, и грабители, похищали бы сколь возможно менее» [8. С. 708–709].

Л.С. Белогриц-Котляревский считал, что ценность похищенного как легальное мерило наказания не выдерживает критики, что возвышение наказания по мере ценности похищенного законодатель должен предоставить судейскому усмотрению [9. С. 214]. Н.Д. Сергеевский утверждал, что влияние цены украденного на строгость наказания не выдерживает юридической критики по следующим причинам: при измерении наказания с ценой украденного оно большей частью зависит от одного случая, так как обыкновенно вор крадет то, что ему попадет под руку; вор почти никогда не выручает за похищенные вещи настоящую их стоимость; при оценках причиняемого кражами ущерба возникают постоянные затруднения; в случае совершения кражи несколькими лицами возвышение наказания каждому из виновных по цене всей по кражи несправедливо» [10. С. 161–162].

Не соглашались с законодательным решением и практикующие юристы того времени. В замечаниях чинов судебного ведомства на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных говорилось: «Не зная мотивов, трудно объяснить себе, что могло руководить составителями Уложения в подразделении краж по степени наказания за них на несколько видов, смотря по сумме покраденного... Если предположить, что в этом случае составители Уложения имели ввиду сделать различие между маловажной и более ценною кражею, то и тогда деление по цифре представляется не выдерживающим критики. Ибо маловажность может быть признана только или самостоятельно, или со стороны воззрения на нее самого вора или же потерпевшего... Очевидно, что подобное деление краж представляется лишенным серьезного основания и вместе с тем несоответствующим идее правосудия». Ибо бесспорно, конечно, что даже хорошо знакомый с нашим уголовным законом вор, совершая кражу, конечно, не принимает в соображение деление, установленное Уложением и крадет столько, сколько ему удастся...». Они также отмечали, что «если бы цена покраденного была необходима при определении наказания за кражу, то почему же не принято в соображение и при всех прочих квалифицированных кражах? А потому, что при определении наказания за кражи законодатель руководился верным юридическим взглядом на преступление, где главнейшее составляет злая воля подсудимого и степень ее настойчивости к преодолению всех преград ее выполнения и усилия и средства, необходимые для совершения задуманного преступления, независимо от ценности приобретенных плодов преступления» [11. С. 414–415].

Эти взгляды нашли отражение в первоначальном проекте Уголовного Уложения 1903 г. В нем не выделялись разновидности похищения имущества с учетом цены похищенного. Редакционная комиссия по составлению проекта такое решение обосновывала следующими обстоятельствами:

1) цена имущества как предмета посягательства не представляет собой точного признака степени внутренней преступности виновного, как потому, что он далеко не одинаков для богатых и бедных, так и потому, что виновный далеко не всегда знает и может знать цену похищенного предмета;

2) при соучастии на каждого может приходиться незначительная цена, а между тем общая стоимость похищенного повышает наказание всех участников;

3) цена похищенного не представляет собой точного признака степени объективной опасности деяния, его важности для общества;

4) если допустить, что степень важности деяния для общества находит точное выражение в цене похищенного, то и в таком случае законодательство, принимающее этот критерий, не достигает предположенной цели по невозможности предусмотреть все различия в ценах похищенного;

5) оценка похищенного возможна или по рыночным ценам, или по той цене, которую похищенное имущество имело для потерпевшего. В первом случае оценка похищенного зависит от обстоятельств случайных, не имеющих ничего общего ни со степенью пре-

ступности деяния, ни с важностью произведенного им нарушения. Во втором случае вводится критерий, еще более случайный, еще менее способный определить степень общественной важности деяния и виновности деятеля. В особенности затруднительной представляется оценка, когда похищены некоторые части вещи, например античных статуй [12. С. 212–213].

При обсуждении проекта позиция его составителей вызвала возражения у ряда юристов. Так, редакционный комитет уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества в своих замечаниях по поводу проекта Особенной части Уголовного Уложения отмечал: произвольный характер определения стоимости похищенного если и существует, то он разделяет общую судьбу всех цифровых определений, без которых, однако, ни одно законодательство не может обойтись; со стороны субъективной этот признак (стоимость похищенного) вовсе не так уж несостоятелен, в огромном большинстве случаев похититель знает, на что он решается; центр тяжести значения стоимости похищенного, при определении наказания, лежит не в субъективной, а в объективной стороне похищения; мера вреда, причиненного похищением, никогда не утратит своего значения ни для общества, ни для отдельных лиц; чем значительнее сумма похищенного, тем более возбуждается общественное внимание и тем сильнее возникающие опасения; точно так же и отдельные лица никогда не перестанут желать, чтобы наибольшие потери их находили и наибольшее ограждение как со стороны уголовного закона, так и со стороны способов раскрытия и исследования преступных деяний; ценное имущество обыкновенно охраняется с большей заботливостью, а потому стоимость похищаемого оказывает влияние и на способы похищения, так как она вызывает со стороны виновного большие предосторожности, большие ухищрения, большую сложность плана действий [13. С. 67].

Редакционная комиссия приняла во внимание выказанные замечания. В ходе обсуждения проекта она пришла к выводу, что отказ от цены имущества как «признака квалификации корыстных имущественных посягательств» практически невозможен по следующим основаниям: 1) если не делать различия по стоимости похищенного, то многие весьма тяжкие случаи простого воровства были бы подвергнуты крайне слабому наказанию; 2) соображение, что вор часто не знает стоимости похищенного, едва ли имеет решающее значение, так как если не установлено, что он желал или, по крайней мере, допускал похищение на стоимость свыше данного предела, он может и должен быть наказан лишь за воровство ниже такого предела; 3) нельзя отрицать, что цифра стоимости имеет определенное объективное значение в общегитии, и при всем различии в степенях состоятельности отдельных лиц может быть уловлена цифра стоимости, разделяющая при данном экономическом положении имущества маловажные от важных. Конечно, точное определение такой цифры законом всегда будет более или менее гадательно и даже произвольно, но в данном случае приходится избирать между произволом законодателя и произволом суда, и едва

ли может быть сомнение в том, что последний представляется еще менее желательным, чем первый; 4) установление в самом законе определенной цифры, разграничивающей имущества менее важные от важных, вызывается и процессуальными соображениями.

С учетом этих обстоятельств, редакционная комиссия предложила выделить в законе такие виды воровства, присвоения вверенного, мошенничества: с ущербом не свыше 500 рублей; с ущербом на сумму свыше 500 рублей [12. С. 315–316]. Предложение комиссии было воспринято законодателем. В Уголовном Уложении 1903 года эта сумма была закреплена в качестве критерия разграничения простых и тяжких присвоения вверенного, воровства и мошенничества. В качестве менее наказуемых выделялись присвоение вверенного, воровство и мошенничество на сумму не более 50 копеек (ст. 574, 581, 591) [14. С. 827, 848, 878].

Надо сказать, что и после принятия Уголовного Уложения 1903 г. не все российские юристы находили целесообразным наказуемость кражи соизмерять в законе с ценой похищенного. Так, С.В. Познышев писал: «...нельзя не признать, что если цена похищенного и может иметь влияние на наказуемость, то лишь судья, сообразно с индивидуальными чертами данного случая, может справедливо определить силу и степень этого влияния; всякие же выставляемые в данном случае законодателем цифры, с которыми судья должен связывать более или менее строгую ответственность были бы совершенно произвольны и только выносили бы в определение размеров наказания нежелательный формализм». При этом он отметил, что «цена вещи зависит от состояния в данный момент рынка, которое не имеет ничего общего с правосудием» [15. С. 172–173].

Суждения С.В. Познышева, других авторов, несогласных с фиксацией в уголовном законе размеров хищения в денежных величинах, несомненно, повлияли на решения советского законодателя. Выделив в УК РСФСР 1922 г. мелкую фабрично-заводскую кражу, хищение «в особо крупных размерах» (п. «з» ст. 180), в УК РСФСР 1926 г. – мелкую фабрично-заводскую кражу и кражу «при особо крупных размерах похищенного» (п. «д» ст. 162), законодатель не указал, какая именно денежная величина образует «особо крупные размеры» хищения. Этим он предоставил практике возможность самой решать, образует ли содеянное в том или ином случае хищение в особо крупных размерах. Практика, применяя УК РСФСР 1922, 1926 гг., исходила из того, что особо крупные размеры похищенного предполагают его достаточно большую стоимость; однако ее точный размер заранее не может быть предопределен. Было признано, что при решении вопроса, является ли хищение особо крупным, необходимо учитывать не только цену похищенного, но и его значимость для собственника, ценность в конкретных условиях совершения преступления. Так, в докладе УКК Верховного суда РСФСР о работе за 1924 г. говорилось: «Что касается определения “особо крупных размеров похищенного”, то практика УКК знает такие приговоры, где ст. 180 “з” вменялась за хищение стоимости которого в переводе на деньги не превышала несколько сотен рублей. Яс-

но, что во всяком случае никак нельзя говорить об «особо крупных размерах похищенного», если похищенное не достигает хотя бы нескольких тысяч рублей (золотом)» [16. С. 395]. Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 28 мая 1933 г. указал, что установить общий для всех случаев размер хищений, при котором они квалифицируются по закону от 7.08.1932 (как посягательство на социалистическую собственность в значительных (крупных) размерах. — С.Е.), конечно, не представляется возможным; это определение полностью зависит от условий места и времени совершения преступления. 58-й пленум Верховного Суда СССР отметил, что «установление в ряде случаев механических лимитов в области квалификации хищений социалистической собственности по сумме похищенного без учета всех обстоятельств преступления, значения предметов хищения и т.д.» приводит к смазыванию эффективности применения уголовного закона [17. С. 109].

Исключение составляло определение мелкой фабрично-заводской кражи. К ней УК РСФСР 1922 г. (прим. к п. «д» ст. 180), УК РСФСР 1926 г. в первой редакции (прим. к ст. 162) относили кражу материалов и орудий, совершенную на фабрике и заводе рабочим или служащим в пределах своего предприятия в первый раз и при стоимости похищенного не свыше 15 рублей. Эта кража влекла дисциплинарное взыскание. УК 1926 г. (в редакции 1931 г.) к мелкой отнес кражу на сумму не свыше 50 рублей. В 1940 г. законодатель исключил из определения мелкой кражи указание на цену похищенного; в п. «е» ст. 162 УК 1926 г. он указал, что мелкая кража независимо от ее размеров» карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания.

Понятием «хищение, совершенное в крупных размерах» оперировал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Указ от 4 июня 1947 г., как и УК РСФСР 1922, 1926 гг. не раскрывал понятия хищения в крупных размерах. Такое законодательное решение разделяли большинство советских юристов. Так, М.М. Исаев, объясняя необходимость использования в УК РСФСР понятия «крупный размер» как оценочного, писал: «Нельзя точно указать (в уголовном законе. — С.Е.), начиная с какой суммы похищенных денег, с какого количества похищенного зерна, масла и т.п. хищение будет считаться крупным. Суд должен учитывать обстоятельства конкретного дела». При определении размера хищения, отмечал М.М. Исаев, необходимо принимать во внимание не только признак количественный, но и качественный, т.е. характер похищенного имущества, а также время и обстановку хищения. Поэтому, полагал он, «...кража нескольких десятков килограммов посевного зерна во время посевной кампании должна рассматриваться как крупное хищение» [18. С. 17]. Целесообразным находила законодательное решение З.А. Вышинская. Она, как и М.М. Исаев, полагала, что определение размера хищения требует учета как количественных критериев, так и качественной оценки похищенного: «Под хищением,

совершенным в крупном размере, следует понимать хищение государственного или общественного имущества, совершенное на большую сумму, в большом количестве, или хищение имущества, имеющего особую ценность в некоторых исключительных условиях (например, хищение продуктов или горючего в условиях военного времени» [19. С. 26]. Такого же мнения придерживался А.Н. Трайнин. Он утверждал, что одной цифрой, при всем ее значении, еще не всегда определяется степень общественной опасности содеянного, образующей существо преступления [20. С. 10]. Б.А. Куринов полагал, что неустановление в законодательном порядке точной суммы, когда хищение считается совершенным в крупных размерах, нельзя рассматривать как пробел в законе. Признание хищения совершенным в крупном размере зависит не только от суммы (хотя это и главное, и основное), но и от целого ряда других обстоятельств, в частности, таких, как время, обстановка, в которой произошло хищение, характер похищенного имущества [21. С. 99–100].

Не находил возможным установить заранее в законе какие-либо точные суммы в качестве «механического лимита» для разграничения хищений на виды по размерам похищенного и Г.А. Кригер. Он писал: «При совершении хищений социалистической собственности нередко бывает, что стоимость похищенного имущества сама по себе не столь уж значительна или даже совсем невелика, но это имущество представляет большую ценность или в силу его дефицитности, или в силу особых условий, в которых данное имущество имеет большое значение и утрата его влечет за собой серьезные последствия для государственной или общественной организации». Поэтому вопрос, какое хищение следует считать крупным, считал Г.А. Кригер, должен решаться с учетом конкретных обстоятельств дела. Однако, отмечал он, это вовсе не означает, что при исследовании понятий мелкого или крупного хищения следует вообще полностью отказаться от каких-то более или менее определенных количественных критериев. Но при этом суды не должны забывать о том, что суммы, принимаемые ими в качестве количественных критериев, не абсолютны, в советском уголовном праве общественная опасность преступления и преступника определяется с учетом всех обстоятельств дела в их совокупности; причем каждое обстоятельство оценивается не абстрактно, взятое само по себе, а в связи с конкретной обстановкой данного преступления. В то же время не следует увлекаться качественными критериями, впадать в крайность и относить хищение к более опасным видам, ссылаясь на характер похищенного имущества, обстановку и т.д. [22. С. 117]. Такой же позиции придерживалась и судебная практика того времени. Суды, применяя Указ от 4 июня 1947 г., принимали во внимание как количественный (сумма денег, размер похищенного), так и качественный (характер похищенного имущества, его значимость, время, обстановка) признаки [25. С. 102–104].

Следует отметить, что в те годы некоторые авторы предлагали изменить сложившуюся практику выделения в законе видов хищения без указания их размеров в денежных величинах. Так, Н.М. Иванов предлагал

предусмотреть непосредственно в законе «сумму, начиная с которой хищение должно считаться совершенным в крупных размерах, а также сумму, являющуюся границей мелкого и не мелкого хищения» [24. С. 97]. Однако при разработке УК РСФСР 1960 г. советский законодатель не принял во внимание это предложение. В УК 1960 г., как и в предшествующих ему уголовных советских законах, границы мелкого, крупного и особо крупного размеров хищения государственного и общественного имущества не получили стоимостного обозначения [25. С. 226]. Предложение определить в тексте УК РСФСР денежную величину мелкого хищения, хищения в крупных размерах не нашло поддержки и в советской юридической литературе. В публикациях 60–70-х гг. прошлого века по-прежнему утверждалось, что установление в законе конкретных сумм для разграничения мелких, значительных и крупных хищений привело бы к формализму и нарушению принципа материального подхода к оценке общественной опасности деяния. Стоимость в ее денежном выражении, по мнению Г.А. Кригера, не всегда может в полной мере характеризовать степень общественной опасности деяния [26. С. 240–241]. В.А. Владимиров отмечал, что позиция советского законодателя, не определившего в законе точных формализованных критериев отнесения хищения к тому или иному виду, единственно правильна; она «в значительной мере ограничивает возможность механического, сугубо формального применения закона, особенно если речь идет о пограничных случаях» [29. С. 64].

Суды, применяя УК РСФСР 1960 г., при определении видов хищения принимали во внимание как количественные, так и качественные критерии. При этом хищение на сумму до 2 500 рублей рассматривалось как значительное, на сумму от 2,5 до 10 тыс. руб. – как крупное, на сумму свыше 10 тыс. руб. – как особо крупное [28. С. 190]. В пограничных случаях, когда причиненный преступлением имущественный ущерб не достигал денежной величины того или иного вида хищения, суды принимали во внимание экономические и натуральные показатели: значительное количество похищенного по весу, объему или в иных измерениях, важное народнохозяйственное и целевое назначение имущества [29. С. 121–122]. Такой подход к разграничению видов хищения получил неоднозначную оценку в юридической литературе. Так, П.В. Замосковцев утверждал, что при определении размера хищения должен учитываться только стоимостной критерий, поскольку каков бы ни был вес, количество похищенного имущества, его стоимость от этого не меняются [30. С. 13]. Другие полагали, что, наряду со стоимостным следует учитывать и качественный критерий, но без учета натуральных размеров похищенного [31. С. 4–5]. С тезисом, что для определения размера хищения, включая и крупный, наряду со стоимостным допустимо пользоваться дополнительными критериями, не соглашался Ю.И. Ляпунов. Он считал, что это положение, касающееся только мелкого хищения, совершенно неосновательно, автоматически распространяется и на хищение в крупных размерах. Обоснованность такого расширительного подхода, писал Ю.И. Ляпунов, «вы-

зывает серьезные сомнения... хищение в крупном размере, – тяжкое преступление, караемое по закону лишением свободы на срок до 15 лет. ...основания применения столь строгого закона должны быть жестко формализованы, максимально единообразны... стоимостной критерий, выраженный в точном установлении минимального и максимального пределов крупного размера в денежном выражении, полностью отвечает этим высоким требованиям, обеспечивает единообразное применение уголовного закона» [32. С. 74–75].

В УК РСФСР 1960 г. не определялась и величина «значительного ущерба», отнесенного к числу квалифицирующих признаков таких преступлений против личной собственности, как кража, грабеж, мошенничество. Основным показателем значительности ущерба судебная практика признавала относительно высокую стоимость похищенного. Однако она полагала, что при решении вопроса, причинен ли потерпевшему значительный ущерб, необходимо учитывать (как и при определении размера хищения социалистического имущества) не только стоимость, но и количество похищенного, значимость похищенных предметов для потерпевшего, имущественное положение потерпевшего и т.п. [35. С. 213].

В начале 90-х гг. прошлого века российский законодатель отказался от сложившейся в советское время традиции не приводить в тексте УК денежные величины того или иного вида хищения. Так, Законом РСФСР от 05.12.1991 г. № 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» было определено, что «хищение признается совершенным в крупных размерах и считается причинившим крупный ущерб государству или общественной организации, если оно совершено одним лицом или группой лиц на сумму, пятидесятикратно превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РСФСР... хищение государственного или общественного имущества признается совершенным в особо крупных размерах, если оно совершено одним лицом или группой лиц на сумму, стократно превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РСФСР» [36].

Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 1 июля 1994 г. к крупному было отнесено хищение на сумму, в двести раз превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РФ на момент совершения преступления [37].

Денежные величины крупного и особо крупного размеров хищения законодатель считал нужным определить и в УК РФ 1996 г. До декабря 2003 г. величина хищения в УК РФ определялась в минимальных размерах оплаты труда; с декабря 2003 г. размеры хищения приведены в УК в абсолютных денежных величинах [38]. В прим. 4 к ст. 158 УК сказано, что крупным размером в статьях гл. 21 УК, за исключением ч. 6 и 7 ст. 159, 159¹, 159³, 159⁵ и 159⁶, признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. рублей, особо крупным – 1 млн рублей. Крупный и особо

крупный размеры хищения применительно к отдельным видам мошенничества определены в примечаниях к ст. 159, 159¹ УК. Так, крупным размером в ст. 159¹, 159³, 159⁵, 159⁶ признается стоимость имущества, превышающая 1 млн 50 тыс. рублей, а особо крупным – 6 млн рублей.

Крупным размером мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, признается стоимость имущества, превышающая 3 млн рублей, особо крупным – 12 млн рублей. УК РФ 1996 г. раскрывает и понятие значительного ущерба гражданину. Так, в прим. 2 к ст. 158 говорится, что «значительный ущерб гражданину, в статьях настоящей главы, за исключением части пятой статьи 159, определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей». Значительным применительно к ч. 5 ст. 159 УК РФ признается ущерб в сумме, составляющей не менее 10 тыс. рублей.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ УК РФ дополнен ст. 158¹, предусматривающей ответственность за мелкое хищение. Сопоставление этой статьи со ст. 7.27 КоАП РФ показывает, что уголовная ответственность за мелкое хищение чужого имущества наступает при условии, что на момент хищения чужого имущества стоимостью не более 2 тыс. 500 рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1 тыс. рублей, но не более 2 тыс. 500 рублей.

Как видим, российский законодатель с начала XVIII в. неизменно рассматривает размер хищения в качестве основания дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества, как обстоятельство, позволяющее объективно оценивать общественную опасность не только содеянного, но и личности преступника. Юрико-техническое оформление размера хищения как квалифицирующего признака посягательства на собственность в российских законах до 1996 г. имело два вида: в дореволюционных законах размеры хищения были определены в денежных величинах; в советских законах численные показатели тех или иных размеров хищения не приводились (исключение составляло определение мелкого

хищения). Использование в советском уголовном законодательстве количественных оценочных признаков можно объяснить, в первую очередь, сложностью и динамикой социально-экономических преобразований, проходивших в Советском государстве.

УК РФ 1996 г. крупный и особо крупный размеры хищения определяет, как и законы Российской империи, в рублях. С таким решением, проверенным многолетним опытом применения уголовного закона, следует согласиться. Формализация квалифицирующих признаков является условием справедливого и единообразного применения уголовного закона. В то же время нельзя не заметить в УК РФ излишней дифференциации одного и того же размера хищения с учетом сферы совершаемых преступлений. Представляется, что такого рода дифференциация размера хищения не имеет достаточного обоснования; она угрожает как уголовный закон, так и правоприменение. Также нельзя не отметить, что и в наше время не утратили своей значимости высказывания юристов прошлого, полагавших, что наказание за похищение имущества в уголовном законе не следует соотносить с ценой похищенного. Действительно, нельзя отрицать, что при оценке похищенного по рыночным ценам на определение размера хищения могут влиять случайные обстоятельства; многие предметы не имеют, как таковой, продажной цены. Очевидны сложности оценки похищенных антикварных вещей, определения размера ущерба в случае хищения части предмета. Вызывает сомнение и справедливость существующего в современной судебной практике правила, согласно которому при совершении хищения группой лиц наказание каждому из них назначается с учетом общей стоимости похищенного всеми участниками преступления. Объективности ради надо сказать, что современная российская уголовно-правовая литература этим вопросам уделяет в той или иной мере внимание. Однако ответы на них носят, как правило, общий характер; суждения авторов порой не имеют обстоятельной, детальной аргументации. Между тем очевидно, что лишь глубокий анализ проблем квалификации хищения с учетом стоимости похищенного, значительности причиняемого хищением ущерба позволит устранить сомнения как в обоснованности существующего законодательного решения, так и в объективности правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.
2. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть Особенная. Калуга : Полиграф-Информ, 2008. 551 с.
3. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842. Т. 15.
4. Законы уголовные. СПб., 1909.
5. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871.
6. Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. СПб., 1900. 440 с.
7. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Ч. II. Мошенничество по действующему русскому праву. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1871. 551 с.
8. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части Русского Уголовного права. СПб., 1876. Т. II. 555 с.
9. Белогриц-Котляревский Л.С. Особые виды воровства-кражи по русскому праву. Киев : Унив. тип. (И.И. Завадского), 1883. 232 с.
10. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть особенная / отв. ред.: И.В. Лукьянова, А.И. Чучаев. Калуга : Полиграф-Информ, 2008. 196 с.
11. Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства: Замечания чинов судебного ведомства 1880–1881 гг. на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1881. Т. 3. 483 с.

12. Уголовное Уложение. Объяснения к проекту Редакционной Комиссии. СПб., 1895. 647 с.
13. Замечания Редакционного комитета Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного Уложения II Посягательства имущественные. СПб. : Типография правительствующего сената, 1880. 204 с.
14. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб. : Издание Н.С. Таганцева, 1903.
15. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. М., 1905. 407 с.
16. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными комментариями. М. : Юриздат НКЮ РСФСР, 1927. 563 с.
17. Уголовное право. Особенная часть : учебник / А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, В.Д. Меньшагин, и др. ; под ред. А.А. Герцензона, А.А. Пионтковского. 2-е изд., перераб. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 527 с.
18. Исаев М.М. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. М., 1948. 40 с.
19. Вышинская З.А. Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества. М., 1948. 36 с.
20. Трайнин А.Н. Правильное понимание элементов состава преступления – необходимое условие преступления социалистической законности // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 8–13.
21. Куринов Б.А. Уголовная ответственность за хищения государственного и общественного имущества / отв. ред. Б.С. Никифоров. М. : Госюриздат, 1954. 120 с.
22. Кригер Г.А. Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. М. : Изд-во МГУ, 1957. 208 с.
23. Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. 156 с.
24. Иванов Н.М. Об уголовной ответственности за хищение социалистической собственности // Советское государство и право. М. : Наука, 1958, № 8. С. 93–98.
25. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1984. 528 с.
26. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. 336 с.
27. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М. : Юрид. лит., 1979. 200 с.
28. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Г.З. Анашкин, Х.М. Ахметшин, С.В. Бородин, В.А. Владимиров и др. ; под ред. Ю.Д. Северина. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. лит., 1984. 528 с.
29. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978. М. : Юрид. лит., 1980. 469 с.
30. Замосковцев П.В. Содержание отношений социалистической собственности как объекта уголовно-правовой охраны // Роль аппарата уголовного розыска и следствия по борьбе с преступностью. Омск, 1977. 16 с.
31. Аргасцев А., Борисов Э. Критерии оценки размеров хищения // Советская юстиция. 1967. № 9. С. 4–5.
32. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М. : Юрид. лит., 1986. 224 с.
33. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (1961–1983). М. : Юрид. лит., 1984. 432 с.
34. Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 26.12.1991. № 52. Ст. 1867.
35. Российская газета. 1994. 7 июля.
36. Федеральный закон от 8.12.2003 № 162. ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Парламентская газета. 11.12.2003. № 231.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 ноября 2017 г.

DIFFERENTIATION OF THEFT OVER THE AMOUNT OF PROPERTY DAMAGE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 209–216.

DOI: 10.17223/15617793/425/28

Sergey A. Eliseev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ugovlovoetgu@mail.ru

Keywords: theft of property; types of theft; amount of stolen property; cost; cost of stolen property; Russian criminal laws.

The author considers the development of criminal law providing liability for theft based on the property damage of the stolen; he presents opinions of Russian lawyers on the problem of differentiation of criminal liability for theft over the amount of property damage caused by crime. The study shows that since the 18th century Russian legislators considered the amount of stolen property as grounds for differentiation of criminal liability for property theft and as a fact which allows to assess effectively the public danger of the offence and the personality of the offender. Legal and technical formalization of the amount of theft as a qualifying characteristic of this offence in Russian laws had two types until 1996: in the pre-revolutionary law, the amount of stolen property was determined in monetary terms; in the Soviet laws numerical indicators of certain dimensions of theft were not given (the exception was the definition of petty theft). Quantitative assessment in Soviet criminal law can be explained, first and foremost, by the complexity and dynamics of socio-economic transformations that took place in the Soviet state. The RF Criminal Code of 1996, like the laws of the Russian Empire, defines big and especially big amount of theft in rubles. This decision, proven with the long-term experience of criminal law application, should be accepted. Formalization of qualifying circumstances is a condition for a fair and unified application of criminal law. At the same time, it must be noted that the RF Criminal Code has an excessive differentiation of the same amount of theft depending on the sphere of committed crimes. It seems that this kind of differentiation of the amount of theft has no sufficient justification; it overcharges both criminal law and law enforcement. It should also be noted that nowadays statements of the lawyers of the past, who thought that punishment for theft of property in criminal law should not be compared with the cost of stolen property, has not lost its significance. Indeed, it is undeniable that accidental circumstances can influence estimation of stolen property at a common rate; many items have no sale price as such. It is apparently hard to estimate stolen antique items, or to determine the amount of damage in case of theft of a part of an object. The justice of the rule existing in the modern judicial practice that in the commission of a theft by a group of persons the punishment to each of them should be appointed taking into account the total value of the stolen by all participants of a crime is doubtful. For the sake of objectivity, it should be mentioned that the modern Russian criminal law literature pays some attention to this problem. However, the solutions are usually of a general nature; judgments of authors sometimes do not have an extensive, detailed argument. Meanwhile, it is obvious that only a profound analysis of the problems of qualification of theft with the value of the stolen property, seriousness of damage caused by theft will eliminate doubts both in the validity of the existing legislative solutions and in the objectivity of the application of law.

REFERENCES

1. Vladimirovskiy-Budanov, M.F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don: Feniks.

2. Sergeevskiy, N.D. (2008) *Russkoe ugovnoe pravo: Posobie k lektsiyam. Chast' Osobennaya* [Russian Criminal Law: A Handbook for Lectures. Special Part]. Kaluga: Poligraf-Inform.
3. Russian Empire. (1845) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, povelieniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy* [Code of laws of the Russian Empire, composed by the decree of Emperor Nicholas Pavlovich]. Vol. 15. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
4. Gromov, N.A. (1909) *Zakony ugovnoye* [Criminal laws]. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo Knizhnogo magazina N. K. Martynova.
5. Russian Empire. (1871) *Proekt Ulozheniya o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh, vnesennyy v 1844 godu v Gosudarstvennyy Sovet, s podrobnym oznacheniem osnovaniy kazhdogo iz vnesennykh v sey proekt postanovleniy* [Draft of the Code of Criminal and Corrections Penalties, introduced in 1844 to the State Council, with a detailed indication of the grounds for each of the decisions made in this draft]. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1871.
6. Tagantsev, N.S. (1900) *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. Izdanie 1885 g.* [Charter of punishments imposed by magistrates. The 1885 edition]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. Foyntskiy, I.Ya. (1871) *Moshennichestvo po russkomu pravu* [Fraud in Russian law]. Pt. II. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
8. Neklyudov, N.A. (1876) *Rukovodstvo k Osobennoy chasti Russkogo Ugolovnoho prava* [A guide to the Special Part of the Russian Criminal Law]. Vol. II. St. Petersburg: Tip. P.P. Merkul'eva.
9. Belogrits-Kotlyarevskiy, L.S. (1883) *Osobyie vidy vorovstva-krazhi po russkomu pravu* [Special types of theft by Russian law]. Kiev: Univ. tip. (I.I. Zavadskego).
10. Sergeevskiy, N.D. (2008) *Russkoe ugovnoe pravo. Posobie k lektsiyam. Chast' osobennaya* [Russian criminal law. Textbook on lectures. Special part]. Kaluga: Poligraf-Inform.
11. Russian Empire. (1881) *Materialy dlya peresmotra nashego ugovolnogo zakonodatel'stva: Zamechaniya chinov sudebnogo vedomstva 1880–1881 gg. na Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh i na Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Materials for the revision of our criminal legislation: Remarks of officials of the judicial department of 1880–1881 on the Code of Penal and Correctional penalties and on the Charter of Punishments imposed by magistrates]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Prav. Senata.
12. Russian Empire. (1895) *Ugolovnoe Ulozhenie. Ob'yasneniya k proektu Redaktsionnoy Komissii* [The Criminal Code. Explanations to the Editorial Committee draft]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
13. Russian Empire. (1880) *Zamechaniya Redaktsionnogo komiteta Ugolovnogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva na proekt Osobennoy chasti Ugolovnogo Ulozheniya II Posyagatel'stva imushchestvennye* [Comments of the Editorial Committee of the Criminal Division of the St. Petersburg Juridical Society on the draft of the Special Part of the Criminal Code II. Property encroachments]. St. Petersburg: Tipografiya pravitel'stvuyushchego senata.
14. Russian Empire. (1903) *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal Code of March 22, 1903]. St. Petersburg: Izdanie N.S. Tagantseva.
15. Poznyshchev, S.V. (1905) *Osobennaya chast' russkogo ugovolnogo prava. Sravnitel'nyy ocherk vazhneyshikh otdelov Osobennoy chasti starogo i novogo Ulozheniy* [Special part of the Russian criminal law. A comparative sketch of the most important parts of the Special Part of the Old and New Codes]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
16. RSFSR. (1927) *Ugolovnyy kodeks RSFSR redaktsii 1926 goda s postateyno-sistematizirovannymi kommentariyami* [The Criminal Code of the RSFSR in 1926, with article-systematized comments]. Moscow: Yurizdat NKYu RSFSR.
17. Gertsenzon, A.A. & Piontkovskiy, A.A. (eds) (1939) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. 2nd ed. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
18. Isaev, M.M. (1948) *Ukazy Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1947 g.* [Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 4, 1947]. Moscow: tip. "Kr. zvezda".
19. Vyshinskaya, Z.A. (1948) *Ob ugovolnoy otvetstvennosti za khishchenie gosudarstvennogo ili obshchestvennogo imushchestva* [On criminal liability for theft of state or public property]. Moscow: Yurid. izd-vo Min-va yustitsii SSSR.
20. Traynin, A.N. (1956) *Pravil'noe ponimanie elementov sostava prestupleniya – neobkhodimoe uslovie prestupleniya sotsialisticheskoy zakonnosti* [A correct understanding of the elements of the crime is a necessary condition of the crime against socialist legality]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 5. pp. 8–13.
21. Kurinov, B.A. (1954) *Ugolovnaya otvetstvennost' za khishcheniya gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva* [Criminal liability for theft of state and public property]. Moscow: Gosyurizdat.
22. Kriger, G.A. (1957) *Otvetstvennost' za khishchenie gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva po sovetskomu ugovnomu pravu* [Responsibility for theft of state and public property under Soviet criminal law]. Moscow: Moscow State University.
23. Sergeeva, T.L. (1954) *Ugolovno-pravovaya okhrana sotsialisticheskoy sobstvennosti v SSSR* [Criminal law protection of socialist property in the USSR]. Moscow: USSR AS.
24. Ivanov, N.M. (1958) *Ob ugovolnoy otvetstvennosti za khishchenie sotsialisticheskoy sobstvennosti* [On the criminal liability for theft of socialist property]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 93–98.
25. Severin, Yu.D. (ed.) (1984) *Kommentariy k Ugolovnomu Kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
26. Kriger, G.A. (1974) *Kvalifikatsiya khishcheniy sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of theft of socialist property]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
27. Vladimirov, V.A. & Lyapunov, Yu.I. (1979) *Sotsialisticheskaya sobstvennost' pod okhranoy zakona* [Socialist property under the protection of the law]. Moscow: Yurid. lit.
28. Severin, Yu.D. (ed.) (1980) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. 2nd ed. Moscow: Yurid. lit.
29. Yuridicheskaya Literatura. (1980) *Voprosy ugovolnogo prava i protsess v praktike Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR. 1938–1978* [Issues of criminal law and process in the practice of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR. 1938–1978]. Moscow: Yurid. lit.
30. Zamoskovtsev, P.V. (1977) *Soderzhanie otnosheniy sotsialisticheskoy sobstvennosti kak ob'ekta ugovolno-pravovoy okhrany* [The content of the relations of socialist property as an object of criminal law protection]. In: Bukina, V.S. et al. (eds) *Rol' apparata ugovolnogo rozyska i sledstviya po bor'be s prestupnost'yu* [The role of the criminal investigation apparatus and investigation in combating crime]. Omsk: Izd-vo Om. VShM MVD SSSR.
31. Argastsev, A. & Borisov, E. (1967) *Kriterii otsenki razmerov khishcheniya* [Criteria for assessing the size of theft]. *Sovetskaya yustitsiya*. 9. pp. 4–5.
32. Vladimirov, V.A. & Lyapunov, Yu.I. (1986) *Otvetstvennost' za korystnye posyagatel'stva na sotsialisticheskuyu sobstvennost'* [Responsibility for self-serving encroachments on socialist property]. Moscow: Yurid. lit.
33. Plenum of the Supreme Court of the RSFSR. (1984) *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RSFSR (1961–1983)* [Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR (1961–1983)]. Moscow: Yurid. lit.
34. *Vedomosti S"ezda ND RF i VS RF*. (1991) 52. 26 Dec. Art. 1867.
35. *Rossiyskaya gazeta*. (1994) 7 July.
36. *Parlamentskaya gazeta*. (2003) Federal'nyy zakon ot 8.12.2003 № 162. FZ "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of December 8, 2003 No. 162. FZ "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation"]. *Parlamentskaya gazeta*. 231. 11 Dec.

Received: 24 November 2017